шелъ съ ума". Такъ „оправдываетъ" Нехлюдовъ свою вражду къ Церкви. „Умъ" выдвигается какъ самый сильный и единственный аргументъ. Но мы осмѣливаемся сказать, что Толстой *всегда и радикально сходитъ съ этого пфулевскаго „ума"*, какъ только вступаетъ въ сферу творчества и художественнаго созерцанія сверхразсудочнаго сцѣпленія образовъ. Въ этомъ смыслѣ Толстой-художникъ съ Нехлюдовской точки зрѣнія *всегда „съ ума сшедшій"*. И этотъ сумасшедшій Толстой художественно исповѣдуетъ свое глубочайшее признаніе *высшей* разумности Церкви, отвергаемой „лошадинымъ" умомъ Нехлюдова.

Въ Церкви нѣтъ явленія видимо болѣе сумасшедшаго и болѣе „безумнаго", чѣмъ *юродство*. Все „сумасшествіе" Церкви здѣсь находитъ свое особенно сильное, особенно ощутимое выраженіе. Но вотъ какая изумительная хвала юродивому Гришѣ вырывается изъ устъ Толстого-художника.

„Гриша безпрестанно твердилъ: „Господи, помилуй, Господи Іисусе Христе, Мати Пресвятая Богородица", съ различными интонаціями, сокращеніями и выговаривая эти слова такъ, какъ ихъ говорятъ только тѣ, которые часто ихъ произносятъ. Съ молитвой онъ поставилъ свой посохъ въ уголъ, осмотрѣлъ постель и сталъ раздѣваться... Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливость, безпокойство, *тупоуміе*; напротивъ, *онъ былъ спокоенъ, величавъ и умно-задумчивъ*".

...„Съ трудомъ опустился онъ на колѣни и сталъ молиться. Сначала тихо, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ все болѣе и болѣе воодушевляясь... Онъ молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ его, молился о maman, о насъ, твердилъ: „Боже, прости врагамъ моимъ!" Кряхтя поднимался и повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ, билъ лбомъ о землю и опять поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

„Долго, долго находился онъ въ этомъ положеніи религіознаго восторга, импровизируя молитвы. Слова его были грубы, но трогательны. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: „Господи, помилуй, Господи, помилуй", но каждый разъ съ новой силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: Прости мя, Господи! Научи мя, что творити, научи мя, что творити, Боже мой!" съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь, какъ-будто ожи-